

Вопросъ о личности автора „Исторіи Царей“ Генесія.

Изъ всѣхъ источниковъ для исторіи Византіи въ IX вѣкѣ особое вниманіе изслѣдователя привлекаетъ „Исторія Царей“ Іосифа Генесія. Обнимаемая время императоровъ Льва V, Михаила II, Теофила I, Михаила III и Василия I, трудъ Генесія имѣетъ для насъ значеніе первоисточника даннаго періода. Однако въ теченіе долгаго времени на Генесія не было обращено должнаго вниманія¹⁾, а первоисточникомъ для исторіи Византіи въ IX вѣкѣ считался Theophanes Continuatus — Продолженіе Теофана Исповѣдника, — и лишь подъ вліяніемъ работъ Муральта²⁾ и Гирша³⁾ продолжатель Исповѣдника былъ лишенъ значенія, которое долго, но неосновательно ему приписывали, — и его мѣсто заняли Георгій Амартолъ и нашъ историкъ, Іосифъ Генесій.

Гиршу удалось доказать, что продолжатель Теофана Исповѣдника пользовался весьма основательно именно „Исторіей Царей“. Большинство свѣдѣній, доставляемыхъ Теофаномъ — въ особенности изъ исторіи императоровъ Льва V и Михаила II — оказалось почерпнутымъ изъ хроники Генесія. Лишь порядокъ отдѣльныхъ разсказовъ не одинаковый въ обѣихъ хроникахъ. Нѣкоторыя подробности сокращены или пропущены Теофаномъ; кое-что имъ добавлено.

Первенство Генесія по отношенію къ Продолженію Теофана, доказанное Гиршемъ, было блестящимъ образомъ подтверждено

1) Dändliker u. Müller, Untersuchungen zur mittleren Geschichte. 1871. — Мюллеръ даже не вводитъ Генесія въ кругъ своихъ научныхъ изслѣдованій.

2) E. de Muralt, Essai de chronographie byzantine, 1855, p. XXIII.

3) F. Hirsch, Byzantinische Studien. 1876.

нашимъ византологомъ академикомъ В. Г. Васильевскимъ¹⁾, указавшимъ, что Генесій самъ въ краткомъ предисловіи къ своему труду свидѣтельствуесть о томъ, что онъ первый взялся за продолженіе повѣствованія Теофана Исповѣдника. Задачею Генесія было изложить событія отъ воцаренія Льва Армянина, еще не бывшія дотолѣ предметомъ связнаго историческаго изложенія въ одной книгѣ (*ὡς ἂν τὰ μὴ παραδοθέντα βιβλῷ τῆ ἱστορούση*). Сомнѣваться же въ истинѣ послѣдняго замѣчанія, мы не имѣемъ основанія, ибо предисловіе къ труду Генесія адресовано авторомъ самому императору Константину Багрянородному, по порученію котораго Генесій и принялся за свой трудъ.

Итакъ, мы имѣемъ тутъ дѣло съ источникомъ первостепенной важности и конечно нашъ интересъ долженъ обратиться прежде всего къ самому автору источника.

Однако наши свѣдѣнія о личности автора „*βασιλείων*“ весьма невелики. Само сочиненіе не дасть намъ удовлетворительнаго отвѣта на интересующій насъ вопросъ. Тѣмъ не менѣе мы въ состояніи сдѣлать нѣкоторыя заключенія относительно автора изъ посвященія, находящагося во главѣ сочиненія, и изъ слѣдующаго за нимъ предисловія:

1. Авторъ написалъ книгу по порученію императора Константина Багрянороднаго, которому онъ и посвящаетъ свой трудъ.

2. Авторъ окончилъ сочиненіе въ періодъ самодержавнаго правленія Константина, т. е. между 945—959 г.²⁾

Стало быть авторъ нашъ современникъ Константина VII.

Вотъ къ чему, въ сущности, сводятся всѣ наши достовѣрныя свѣдѣнія объ авторѣ. Все прочее принадлежитъ уже области гипотезы. Даже самое имя автора намъ неизвѣстно и нашъ авторъ былъ бы навѣрняка занесенъ въ списокъ анонимныхъ историковъ, если бы надпись „*ΓΕΝΕΣΙΟΥ*“, находящаяся на краю перваго листа единственной дошедшей до насъ рукописи, не давала изслѣдователю слабой надежды на возстановленіе хотя бы

1) В. Г. Васильевскій, Въ защиту подлинности житія патриарха Игнатія. Виз. Врем. VI (1899), стр. 49 слл.

2) Ed. Bonn, p. 4. *προσεταιγμένος πρὸς Κωνσταντῖνον τοῦ (1) αὐτοκράτορος . . . υἱοῦ Λέοντος τοῦ πανσόφου ἀειμνήστου ἀνακτος*. Что подъ словомъ „*αὐτοκράτωρ*“ Генесій понимаетъ именно „самодержца“, а не просто „государя“, явствуетъ изъ ed. Bonn. 128, 22: *Βασιλείος . . . συμβασιλεύσας μὲν τῷ Μιχαῆλ ἔτος ἕν, αὐτοκράτωρ δὲ βιοὺς ἰθ' ἔτεσιν*.

имени автора. Венеціанскіе издатели впервые окрестили нашего автора Генесіемъ и съ тѣхъ поръ это прозвище осталось за нимъ.

Правда предпринимались различныя попытки доказать историческимъ путемъ авторство Генесія. Но всѣ эти попытки не увѣнчивались окончательнымъ успѣхомъ, а, наоборотъ, приводили даже къ діаметрально противоположнымъ результатамъ.

Исслѣдователи Генесія при рѣшеніи вопроса о личности автора руководствовались двоякимъ методомъ:

1. Личность автора — въ составъ признаковъ даннаго понятія входитъ между прочимъ и названіе — можно установить путемъ комбинаціи извѣстныхъ элементовъ содержанія нашего источника съ подходящими элементами содержанія другихъ завѣдомо достовѣрныхъ источниковъ (Hirsch, de Boor).

2. Путемъ анализа даннаго палеографическаго матеріала, включительно самой надписи „*ΓΕΝΕΣΙΟΥ*“, принадлежность которой къ составу рукописи составляетъ вопросъ, требующій рѣшенія (Wäschke).

Принимая во вниманіе, что этимъ вторымъ методомъ отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать, и что всякія палеографическія наблюденія имѣютъ лишь въ томъ случаѣ успѣхъ, когда нужный матеріалъ находится подъ рукою, авторъ сочиненія лѣтомъ 1911 г., снабженный рекомендательными письмами отъ С.-Петербургскаго Университета, отправился въ Лейпцигъ, гдѣ, благодаря любезнѣйшему содѣйствію г. директора Лейпцигской Университетской Библиотеки, получилъ доступъ къ рукописнымъ сокровищамъ Albertinum'a и такимъ образомъ имѣлъ возможность познакомиться съ рукописью Генесія.

I.

Рукопись Генесія. Ея исторія. Изданія. Замѣтки на поляхъ.

До насъ дошла лишь одна рукопись хроники Генесія. Рукопись эта нынѣ находится въ библиотекѣ Лейпцигскаго Университета и обозначена въ каталогѣ греческихъ рукописей¹⁾ подъ № 16, 4 (Cod. graec. 16, 4). Кромъ Генесія данный codex 16 содержитъ еще слѣдующія рукописи:

1) Gardthausen, Katalog der Hss. der Leipziger Universitätsbibliothek.

1. Theophylacti archiepiscop. Bulgariae in epist. Pauli commentarii fol. 1a—85b.
2. Commentarius in caput primum evangelii Joannis fol. 86a—149b.
3. Fragmentum Exodi fol. 150a—247b.
4. Genesis fol. 248a—285b.
5. *Κλεομίδου κκληκῆ θεωρία* fol. 286a—298b.
6. Aristoteles fol. 299a—317b.
7. Fragmentum Josephi (bell. Iud.) fol. 318a—321b.
8. Изъ Ветхаго Завета fol. 322a—327b.

Всѣ восемь рукописей написаны разными писцами и ихъ соединеніе въ одинъ codex произошло, очевидно, совершенно случайнымъ образомъ.

Рукопись Генесія занимаетъ четвертое мѣсто въ кодексѣ и имѣетъ 38 листовъ, сложенныхъ въ пять тетрадей, изъ которыхъ четыре первыя — кватерны, а пятая — терна. Потерянныхъ листовъ нѣтъ, въ пользу чего говорить¹⁾:

1. связность содержанія текста и
2. наличность греческихъ цифръ на первой и послѣдней страницахъ каждой тетради.

Форматъ рукописи 33 × 22; текста 25,8 × 17,3. На страницѣ 36 строкъ. Края рукописи обрѣзаны. По палеографическимъ даннымъ Wäsche относитъ рукопись къ XII вѣку.

Рукопись Генесія была издана сравнительно поздно. Въ парижскомъ изданіи мы Генесія не найдемъ. Однако, уже вскорѣ послѣ появленія первыхъ томовъ парижскаго изданія въ Лейпцигѣ обратили вниманіе на Генесія. Первая попытка принадлежитъ Jo. Andreas Bosius'у, который въ 1652 г. списалъ рукопись въ двухъ экземплярахъ, а его другъ Th. Reinesius снабдилъ апографъ комментаріями²⁾. Одинъ изъ этихъ экземпляровъ былъ подаренъ библиотекѣ Іенскаго Университета; другой поступилъ въ Лейпцигскую Городскую Библиотечу (Bibliotheca Senatoria Lipsiensis), гдѣ онъ находится еще и сейчасъ.

1) Wäsche, Genesis. Philologus 37, p. 257 и 258.

2) Fabricius (Bibliotheca graeca, ed. Harles VII, p. 530 sqq.). — Guilielmi Cave, Scriptorum ecclesiasticorum Historia literaria, p. 499: „Josephus Genesis“. — Casimiri Oudini, Commentarius de Scriptoribus ecclesiae antiquis, t. II, p. 435 sq.

Georgius Schubartus¹⁾, профессоръ Іенскаго Университета, намѣревался издать Генесія; осуществилъ ли онъ свое намѣреніе — намъ неизвѣстно, какихъ-либо слѣдовъ работы Schubart'a нѣтъ.

Также неуспѣшны были предпріятія двухъ лейпцигскихъ ученыхъ, пастора церкви Св. Іоанна въ Лейпцигѣ Gottfried'a Wagner'a и молодого, подававшего большія надежды ученаго Gottfried'a Olearius'a; ихъ обоихъ постигла преждевременная смерть.

Наконецъ, Steph. Berglerus²⁾ списалъ, перевелъ на латинскій языкъ и комментировалъ Генесія для друга своего J. Burgard'a Menken'a, приготовлявшаго изданіе дотолѣ неизданныхъ византійскихъ авторовъ. Однако, и послѣднему смерть помѣшала докончить начатое дѣло. Апографъ же Bergler'a попалъ какимъ-то, еще не вполне выясненнымъ образомъ въ руки венеціанскихъ издателей, которые и поспѣшили его напечатать съ приложеніемъ комментарія Bergler'a. Насколько нѣмецкіе ученые были возмущены поступкомъ венеціанцевъ, можно заключить изъ словъ Otto Menken'a, сына B. Menken'a³⁾: „Josephus Genesisus, Byzantinus scriptor, in eo infelicissimus, quod post doctissimorum tot virorum curas in impuras Venetorum manus incidit, unde miserimum in modum deformatus ante paucos annos exiit.“

Въ боннскомъ изданіи Генесій появился въ 1834 г. Карлъ Лахманъ, который взялъ на себя трудъ изданія, однако не пользовался непосредственно самимъ источникомъ, т. е. рукописью, а ограничился текстомъ венеціанскаго изданія, причемъ имѣлъ подъ рукою сдѣланное нѣкимъ E. Wunder'омъ сличеніе этого текста съ рукописью Генесія⁴⁾. Въ этомъ то обстоятельствѣ и заключается корень недостатковъ боннскаго изданія.

Перепечатано боннское изданіе аббатомъ Migne въ *Patrol. graec.* 109, 985—1179.

На поляхъ рукописи находится цѣлый рядъ замѣтокъ; обзоръ ихъ мы встрѣчаемъ въ сочиненіи Wäschke, пользовавшагося при работѣ рукописью. Однако онъ не указываетъ, принадлежать

1) Fabricius, *ibid.*

2) Fabricius, *ibid.*

3) *ibid.* p. 533.

4) Ed. Bonn. III et IV. Praefatio Caroli Lachmani. — Krumbacher, G. V. L. p. 265.

или нѣтъ онѣ редактору рукописи. Но намъ кажется, что опредѣлить это для каждой замѣтки — необходимо, тѣмъ болѣе, что самъ Wäschke при доказательствѣ принадлежности вышеупомянутой надписи редактору рукописи ссылается на нѣкоторые изъ нихъ. Установить же принадлежность замѣтокъ редактору рукописи можно только въ случаяхъ совпаденія руки и чернилъ замѣтокъ съ соответствующими признаками рукописи. Для большей наглядности мы тутъ-же помѣщаемъ составленную нами таблицу, причемъ случаи совпаденія вышеуказанныхъ признаковъ обозначены знакомъ +, случаи несовпаденія знакомъ —.

Таблица замѣтокъ.

№	Листъ рукописи	Ed. Vopp.	Мѣсто замѣтки или предыдущее слово	Замѣтки	Чернила	Рука
	Fol.	Pag.				
1	248 a	1	см. табл. № 1	ΓΕΝΕΣΙΟΥ	—	—
2	ibid.	3, 5	„	προοίμι(ον)	+	+
3	ibid.	5, 1	καθυπεριτέρησιν	νίκ(ην)	+	+
4	249 a	8, 3	περὶ αὐτοῦ	τούρκος	—	—
5	250 a	—	надъ текстомъ	+ κ καλωτωαλασε .. νδε ...	—	—
6	251 a	14, 16	ἡσανφρίαθεν	Ἡσανφρίαν φασὶν ἀπὸ τῆς τοῦ Ἡσαῦ κατασχέσεως	+	+
7	252 a	18, 1	ἐπαχθής	ἐπαχθηνότατος	+	+
8	253 a	21, 14	πλείονος	του	+	+
9	ibid.	22, 1	βιβλον	ἐνης	—	?
10	260 b	50, 18	въ лѣв. углу внизу	ἐπὶ Θεοφίλου υἱοῦ Μιχαήλ	+	+
11	262 a	55, 17	ἀστρονομίαν	ν αση	—	—
12	265 b	66, 18	на лѣвомъ краю	περὶ τῆς Ταρσοῦ	+	+
13	266 b	69, 21	πατρίδι	Νίκαιαν	+	+
14	268 a	74	надъ текстомъ	ἡ γέννησις Μιχαήλ τοῦ υἱοῦ Θεοφίλου ἦν μ' Ἰαννου θ' ἐπὶ ι(?) .. ἐν ἔτει στήμῃ .. ω .. νηκτ ... (η) (?)	—	—
15	ibid.	74	на правомъ краю	πάντων ποθοῦντων προστρέχειν πρὸς τὴν πόλιν ὅπου πάνταγ ...	?	—
16	268 b	77	на лѣвомъ краю	ἐπὶ Μιχαήλ υἱοῦ Θεοφίλου	+	+
17	270 b	81	надъ текстомъ	λίπην	—	—
18	277 a	104, 8	λαμπροφοροῦντες	στολοῦντες	+	+
19	278 a	108, 6	ἐωράκει γὰρ	ὄναρ	—	—
20	281 a	117	на правомъ краю	ἐπὶ π(ω?)σο ἄριστον μόλον ??? ??? ??? σα	—	—

Многія изъ замѣтокъ, помѣщенныхъ въ этой таблицѣ, не имѣютъ отношенія къ нашему спеціальному вопросу и слѣдовательно о нихъ далѣе распространяться намъ нѣтъ надобности и мы сосредоточимъ наше вниманіе лишь на тѣхъ, которыя либо были употреблены для доказательства различныхъ положеній изслѣдователей Генесія (напр. №№ 1, 2, 4, 8, 18), либо впослѣдствіи будутъ объектами нашихъ ссылокъ. Кромѣ нихъ лишь одна замѣтка (№ 14) заставляеть насъ остановиться на ней, ибо мы никакъ не можемъ согласиться съ ея истолкованіемъ, находящимся въ работѣ Wäschke, тѣмъ болѣе, что Wäschke единственный изслѣдователь, обратившій на нее вниманіе. Намъ кажется, что эта замѣтка имѣеть нѣкоторое значеніе для византійской хронографіи и можетъ служить матеріаломъ для другихъ изслѣдованій по данной дисциплинѣ.

№ 1 „ΓΕΝΕΣΙΟΥ“.

Эта замѣтка самая интересная и имѣеть безспорно для насъ самое существенное значеніе. Къ ней намъ придется возвратиться еще не одинъ разъ. Теперь мы про нее скажемъ лишь слѣдующее:

1. Чернила въ „ΓΕΝΕΣΙΟΥ“ гораздо чернѣе, чѣмъ въ рукописи.
2. Рука писца „ΓΕΝΕΣΙΟΥ“ и редактора рукописи не одна и та же (см. ниже).
3. Пергаментъ на верху обрѣзанъ; однако, не подлежитъ сомнѣнію, что сперва появилась замѣтка, а затѣмъ уже былъ попорченъ пергаментъ (см. букву Γ въ „ΓΕΝΕΣΙΟΥ“, снимокъ № 1).

№ 2 „προοίμιον“.

Рука, очевидно, автора рукописи, ибо въ рукописи мы встрѣчаемъ форму „προ“ очень похожую на „προ“ въ замѣткѣ (fol. 248, 5 въ словѣ πρὸς).

№ 4 „τοῦρκος“.

Чернила другія; рука тоже другая.

Въ рукописи мы имѣемъ два рода „τ“: а) „το“ или „τω“ и б) „τ“; въ первомъ случаѣ „τ“ всегда пишется связно со слѣ-

дующею за нимъ буквою. „τ“ же въ „*τούρκος*“ стоитъ отдѣльно отъ „ο“; по величинѣ же своей и формѣ оно сходно съ „τ“ первой группы.

№ 8 „*του*“.

Чернила и рука тѣ же, какъ и въ рукописи. Разница между этимъ „τ“ и „τ“ въ № 4 очевидна.

№ 10.

Ε
Π
Θ
Ε
Ο
Φ
ιλον^τιόν^τμιχαήλ ~

Чернила тѣ же самыя. Хотя замѣтка писана другимъ шрифтомъ, чѣмъ рукопись, но тѣмъ не менѣе намъ кажется, что редакторъ той и другой — одно и то же лицо, ибо:

1. форма буквы одна и та же, какъ въ рукописи, такъ и въ замѣткѣ;
2. слово „*υίοῦ*“ въ замѣткѣ и слово „*υίοῦ (Λέοντος)*“ fol. 248, 13 очень другъ на друга похожи;
3. то же самое можно сказать и про слова „*μιχαήλ*“ въ замѣткѣ и fol. 248a, 23.

№ 14.

Wäschke читаетъ: *ἡ γέννησις Μιχαήλ τοῦ υἱοῦ Θεοφίλου . . . ζ' Ιαννου' θ' ἐπὶ ι' ἐνδικτιῶνος (?) στή μ' ω . . . νύκτ . . .* и заключаетъ, что Михаилъ родился 6 января 6348 = 839 (?) г. Но Wäschke смущаетъ „*ι' ἐνδικτιῶνος*“. „Вѣдь 839 г.“ говоритъ Wäschke, „2-й, а не 10-й индиктъ“. Какъ же это объяснить? Wäschke просто отождествляетъ индиктъ съ годомъ царствованія даннаго императора и получается, что Михаилъ родился въ 10-мъ году царствованія Теофила I. Однако, намъ кажется, что подобное

Ἰωάννης σοι ταύτης φίλε δαιμόνων
 Ὁ τῶν προέδρων πρῶτος, ἀλλὰ καὶ θύτης
 Διοκαιοσαρείας τῆς Ἀναζάρβης
 Ὀλύμπιος ὁ Ὀλυμος (?).

Далѣ:

Λιμῶ τακήση βρωῖσις ὀρνέων ἔση B.
 Ὅς ἐξέκοπας ἐν ἀρχῇ τὰς μεμβράνας
 Καὶ κέρδος ἔσχες πλήρες κακοβουλίας
 Τοῦ γραφέως τὴν κλήσιν ἐξαφανίσας.

Между предпоследней и последней строками:

Ἐγὼ δὲ ἀνεπλήρωσα τὰ ἐκκεκομένα C.

и за последней: „Τοῦ γραφέως“

Γέρον πενιχρὸς Θεοπολίτης Συμη(ων?)... Ουκ (?)

Затѣмъ слѣдуютъ еще какіе-то темные стихи, повидимому, не имѣющіе никакого отношенія къ хроникѣ:

ὦ κόσμε κοσμᾶ τῶν ἀκόσμων ἐν βίῳ κίσμος.... ἄνω κατ οὐκ.
 ὡς τὰ πρόφата σκύβαλα.....
 σὺ δ' αὖ καλῆ γε λύρα εἰμὶ καὶ μάλα D.
 πε... εἰνὸν εὐθὲ ... κυνηγε.... εἰς ἄλα
 ἠχοῦσα φωνὴν τῆς ἄνω μελωδίας.

Хронологическій порядокъ написанія стиховъ: А, В, D, С — авторъ стиха С, не найдя мѣста между стихами В и D, долженъ былъ помѣстить часть своего стиха между строчками стиха В.

По поводу данныхъ стиховъ слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Стихъ А.

1. На этотъ стихъ обратилъ впервые вниманіе Готфридъ Вагнеръ (см. ст. 19)¹⁾. Сознаваясь, что этотъ стихъ заключаетъ въ себѣ кое-что ему самому непонятное, онъ тѣмъ не менѣе предлагаетъ его понимать слѣдующимъ образомъ: авторы книги — Теофанъ и Георгій, сыновья Іоанна, епископа Діокесарійскаго. Имя же Генесія, находящееся на первой страницѣ, очутилось здѣсь вслѣдствіе недоразумѣнія и оно должно быть замѣнено словомъ „Γεωργίου“.

1) Guilielmus Caveus, Historia literaria, p. 499.

Съ подобной интерпретаціей однако не соглашается Caveus. Получивъ отъ своихъ лейпцигскихъ друзей копию даннаго стиха, онъ переводитъ его такъ: „Inter recentes scriptores optimus quantum ego arbitror, Georgium, inquam (Syncellum) et Theophanem Chronologas, est huius libri auctor (Josephus Genesius) (!). Sume (!) ergo tibi Joannes, hoc Opus, vir dilecte Deo, praesulum primus atque etiam Episcopus sive Sacerdos Diocaesariae, quae est Anazarba.“

Такимъ образомъ получается, что, судя по этому стиху, авторъ книги не Іоаннъ, а Іосифъ Генесій. Олимпій же списалъ хронику для епископа Іоанна.

Надо замѣтить, что Caveus читаетъ 4-ую строку стиха немного иначе, чѣмъ прочіе изслѣдователи; благодаря этому онъ и получаетъ такой своеобразный смыслъ. Вмѣсто „Ἰωάννης σοι ταύτης . . .“ у Caveus'a „Ἰωάννη σοι λάβε . . .“ Но подобная версія никакъ не можетъ быть засвидѣтельствована палеографическими данными. Буквы „ς“ въ словѣ „Ἰωάννης“ и „τ“ въ сомнительномъ словѣ „λάβε = ταν“ несомнѣнно существуютъ. Кромѣ того въ 5-ой строкѣ мы видимъ „Ὁ τῶν προέδρων etc.“, а не „Ὁ τῶν προέδρων etc.“, какъ читаетъ Caveus. Такимъ образомъ внѣ всякаго сомнѣнія, что писецъ стиха, Олимпій, не обращается къ Іоанну, а выдаетъ его за автора хроники.

Но если даже Caveus правъ, то мы всетаки не имѣемъ ни малѣйшаго основанія изъ этого стиха заключать, что авторъ хроники — Генесій. Вѣдь Олимпій, говоря про „Δοῖσθος ἄριστος“, могъ имѣть въ виду и любого другого историка.

2. Wäschke затрудняется изъ этого стиха сдѣлать заключение, что авторъ (πάτερ) сочиненія Іоаннъ, епископъ Діокесарійскій, указывая на странную форму слова πατήρ: „πάτερ“. По мнѣнію Wäschke не слѣдуетъ отождествлять данное слово „πάτερ“ съ обычною формою „πατήρ“, и тогда весь стихъ можетъ имѣть совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Отнюдь не сомнѣваясь, что Іоаннъ не авторъ „Исторіи Царей“, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что стихотворецъ А. считалъ его авторомъ.

По нашему, нѣтъ никакой надобности чутъ въ данномъ спискѣ какой-нибудь таинственный смыслъ. Если бы стихотворецъ правильно употребилъ слово πατήρ, то онъ погрѣшилъ

бы противъ одного изъ основныхъ законовъ византийской метрики, ибо удареніе пало бы не на 11-й, а на 12-й слогъ. Въ виду этого онъ предпочелъ на этомъ мѣстѣ употребить вульгарную форму *πάτερ* ¹⁾).

Стихи В и С.

Въ обоихъ стихахъ находится глаголь, который далъ поводъ къ нѣкоторымъ разногласіямъ — *ἐκκόπτω*. Гиршъ переводитъ *ἐκκόπτω* черезъ *ausradieren* = выскабливать и объясняетъ этотъ стихъ такъ: стихотворецъ В нашелъ лишь слѣды пропавшей, выскобленной надписи, заключавшей названіе автора, и сильно вознегодовалъ по этому поводу. Стихотворецъ С, Симеонъ, ухитрился возстановить выскобленную надпись и получилъ имя Генесія.

Wäschke не находитъ нужнымъ переводить *ἐκκόπτω* черезъ „выскабливать“, ибо по его мнѣнію *ἐκκόπτω* не содержитъ понятія „скобленія или тренія“, для чего существуютъ другіе глаголы, какъ, напр., *κνίω*, *ξέω*, *ξύω*, *σμάω* и *ψάω*. Далѣе Wäschke совершенно правильно указываетъ на сравнительно широкое понятіе *ἐκκόπτειν*, которое въ этомъ широкомъ смыслѣ значитъ вообще „удалять, истреблять“, а въ узкомъ „отрѣзывать“. „Такъ,“ говоритъ Wäschke, „слѣдуетъ переводить *ἐκκόπτω* и въ данномъ случаѣ“, ибо пергаментъ дѣйствительно оказывается попорченнымъ путемъ отрѣзыванія, а отъ слова *ΓΕΝΕΣΙΟΥ* уцѣлѣла лишь нижняя часть.

Какъ же въ сущности слѣдуетъ переводить *ἐκκόπτω*? Надо имѣть въ виду, что подъ понятіе „*ἐκκόπτω*“ ²⁾ — разумѣется, въ широкомъ смыслѣ слова — въ данномъ случаѣ могутъ подойти какъ понятіе „скобленія“, такъ и понятіе „отрѣзанія“. Вѣдь любая надпись можетъ быть удалена съ пергамента двоякимъ путемъ: я могу выскаблить или стереть надпись или же я могу просто отрѣзать соотвѣтствующій кусокъ пергамента. Нашъ же вопросъ надо поставить такъ: какой изъ этихъ двухъ смысловъ наши стихотворцы придавали слову *ἐκκόπτειν* въ данномъ случаѣ?

1) Jannaris, Historical Greek Grammar §§ 339 и 386.

2) Sophocles, Greek Lexicon, p. 437:

ἐκκόπτω = to cutt off (въ узкомъ смыслѣ).

„ = to abolish („ широко „).

Стихотворецъ С безусловно понималъ подъ *ἐκκόπτω* — „выскабливать“, ибо онъ *ἀνεπλήρωσε τὰ ἐκκεκομένα*, т. е. провелъ чернилами по слѣдамъ, еще не совсѣмъ исчезнувшимъ. Если же тотъ кусокъ пергамента, гдѣ стояла надпись, заключающая имя автора, былъ бы отрѣзанъ, то онъ уже не могъ бы *ἀναπληρῶν τὰ ἐκκεκομένα*. Что отрѣзано, то пропало!

Труднѣе опредѣлить, какъ понимаетъ стихотворецъ В *ἐκκόπτω*. Едва-ли онъ употребилъ этотъ глаголъ въ томъ же смыслѣ, какъ Симеонъ. Дальше мы увидимъ, что у насъ нѣтъ основанія предполагать наличность какихъ либо слѣдовъ, существовавшихъ въ тотъ моментъ, когда анонимный стихотворецъ В написалъ свои стихи. Скорѣе возможно, что тогда уже существовалъ болѣе ранній обрѣзъ, но отнюдь не тотъ, отъ котораго пострадала надпись *ΓΕΝΕΣΙΟΥ*.

Впрочемъ, этотъ вопросъ, какъ будетъ ясно изъ послѣдующаго, не имѣетъ существеннаго значенія и, ограничиваясь сдѣланными указаніями, мы теперь въ состояніи, имѣя подъ рукою весь палеографическій матеріалъ, подойти къ главной части нашего вопроса.

II.

Результаты прежнихъ изслѣдованій. Теорія Гирша.

Вопросу о личности автора „Исторіи Царей“ посвящены слѣдующія (спеціальныя) работы:

1. F. Hirsch, „Byzantinische Studien“. III. Abschn. „Genesios“, p. 116—174. Leipzig 1876.
2. H. Wäs ch ke, „Genesios“. „Philologus“, Bd. 37 VII, p. 255 sqq. 1877.
3. C. de Voog, „Zu Genesios“. „Byz. Ztschr.“ X (1901), p. 62—65.

Эта послѣдняя статья въ сущности лишь дополненіе къ работѣ Гирша, въ виду чего она можетъ быть рассмотрѣна въ связи съ даннымъ сочиненіемъ. Другихъ спеціальныхъ работъ по данному вопросу нѣтъ. Насколько намъ извѣстно, вопросъ о личности автора „Исторіи Царей“ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ поднять не былъ. Недавно вышла въ свѣтъ новая книга: J. V. Bury, A History of the Eastern Roman Empire from the fall of Irene to the accession of Basil I. London 1912. При разборѣ

источниковъ для исторiи IX вѣка Вугу упоминаетъ между прочимъ о Генесiи. Резюмируя въ самыхъ общихъ чертахъ результаты вышеназванныхъ изслѣдованiй и считая мнѣнiе de Voog'a послѣднимъ словомъ по данному вопросу, Вугу въ своей замѣткѣ не даетъ ничего новаго.

Слѣдуя хронологическому порядку работъ, обратимся сперва къ книгѣ Гирша, которую можно раздѣлить на двѣ части: въ первой авторъ рѣшаетъ — по своему — вопросъ о авторѣ хроники, во второй онъ старается найти тѣ источники, изъ которыхъ черпалъ Генесiй. Слѣдуетъ замѣтить, что авторъ не имѣлъ подъ рукою рукописи Генесiя и поэтому не былъ въ состоянiи рассмотреть весь палеографическiй материалъ, имѣющiй столь большое значенiе для рѣшенiя нашего вопроса. Въ этомъ и заключается главный недостатокъ изслѣдованiя Гирша ¹⁾.

Взгляды Гирша таковы:

За автора хроники выдаетъ себя какой-то Генесiй, имя котораго мы находимъ на поляхъ рукописи. Однако, только изъ этого обстоятельства нельзя дѣлать еще никакихъ заключенiй, ибо, во-первыхъ, слово *GENESIΟΥ* написано другими чернилами, а, во-вторыхъ, на послѣднемъ листѣ рукописи находятся стихи, въ которыхъ какой-то Иоаннъ, епископъ Дiокесарiйскiй, называется отцомъ, т. е. авторомъ хроники (*λοῖσθος ἀνὴρ* etc.). — Слѣдовательно, заключаетъ Гиршъ, изъ рукописнаго материала еще нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ относительно личности автора.

Тѣмъ не менѣе Гиршъ старается доказать, что авторъ хроники — Генесiй, руководясь слѣдующими соображенiями:

1. Вообще существовалъ какой-то историкъ Генесiй, о чемъ свидѣтельствуемъ намъ предисловіе къ хроникѣ Иоанна Скилицы ²⁾.

1) p. 117 внизу: „Die näheren Angaben über die Handschrift verdanke ich der freundlichen Mitteilung des Bibliothekars Herrn Dr. Förstemann in Leipzig.“

2) Изъ предисловія Скилицы у Кедрина. Ed. Bonn. I, p. 4: „ὁ γὰρ Λαφρονιάτης Θεόδωρος, Νικήτας ὁ Παφλαγών, Ἰωσήφ Γενέσιος καὶ Μανουὴλ οἱ Βυζάντινοι . . . οἰκίαν ἑκάστος ἐπόθειον προστησάμενος, ὁ μὲν ἔλαιον βασιλέως, ὁ δὲ ψόγον πατριάρχου, ἔτερος δὲ φίλον ἐγκώμιον, καὶ ἐν ἱστορίας σχήματι τὸν ἑαυτοῦ ἑκάστος ἀποπληροῦντες σχολόν, πόρρω τῆς τῶν εἰρημένων ἀνδρῶν πεπτώχασι διανοίας. ἀποτάθην γὰρ τὰ κατὰ τοὺς αὐτῶν χρόνους συνεχεχθέντα καὶ μικρὸν ἄνωθεν ἱστορικῶς συγγραφέμενοι, καὶ ὁ μὲν συμπαιθῶς, ὁ δὲ ἀντιπαθῶς, ὁ δὲ καὶ κατὰ χάριν, ἄλλος δὲ ὡς προσετέτακτο, τὴν ἑαυτοῦ συνθεῖς ἱστορίαν, καὶ πρὸς ἀλλήλους ἐν τῇ τῶν αὐτῶν ἀφηγήσει διαφερόμενοι, ἰλλυγον καὶ ταραχῆς τοὺς ἀκροατὰς ἐμπεπλήκασιν.“

2. Въ ватиканской рукописи продолженія Георгія Амартола и въ нѣкоторыхъ другихъ, слѣдующихъ за Георгіемъ Амартоломъ хроникахъ мы встрѣчаемъ замѣтку, что какой-то армянинъ Константинъ, командиръ императорскихъ тѣлохранителей при Михаилѣ III, былъ отцомъ патрикія Θомы и Генесія ¹⁾.

Къ этому-то Константину нашъ авторъ питаетъ самую искреннюю симпатію. Генесій не только подробно рассказываетъ намъ цѣлый рядъ деталей изъ жизни Константина, но даже относится къ нему съ явнымъ пристрастіемъ: говорить про него всегда съ любовью, хвалить и защищаетъ его съ величайшимъ стараніемъ.

Константинъ происходилъ изъ княжескаго армянскаго рода; въ молодости, еще во время царствованія императора Θεοφιλα, былъ онъ посланъ своими братьями въ Константинополь, гдѣ вскорѣ — главнымъ образомъ, благодаря своему сильному и красивому тѣлосложенію — сдѣлалъ блестящую карьеру. Вскорѣ по его появленіи въ столицѣ мы видимъ его на посту командира императорскихъ тѣлохранителей. Но, несмотря на свое близкое къ императору Михаилу III положеніе, Константинъ — судя по Генесію — не принималъ участія въ недостойныхъ забавахъ Михаила, а также не соглашался съ тѣми актами насилія и несправедливости, которыми знаменуется царствованіе несчастнаго императора. Такъ онъ заступился за убитаго по приказу Варды нѣкогда всемогущаго министра Θεοδορυ λογοετα Θεοκτισта и старался спасти ему жизнь. Когда въ 858 г. Варда низложилъ патріарха Игнатія и назначилъ на его мѣсто Фотія, Константинъ протестовалъ противъ подобнаго замѣщенія вакантной каѳедры, а томящемуся въ темницѣ Игнатію приносилъ хлѣбъ, вино, иногда фрукты. Во время событій, имѣвшихъ мѣсто при убійствѣ Варды, Константинъ защищалъ императора, жизнь котораго находилась въ опасности; лишь благодаря его вмѣша-

1) Georg. mon. cont. (ed. Muralt. p. 747, Cod. Vat.): *Κωνσταντίνος δὲ ὁ ἐξ Ἀρμενίων, ὁ πατὴρ Θωμᾶ πατρικίου καὶ Γενεσίου, δρογγαρίος ὢν τῆς βιγλῆς, ἵππευσε λευκός.* Въ codd. Mosc. Parisin. и Monac. слова „καὶ Γενεσίου“ пропущены, однако: Symeon Mag. (ed. Bonn. p. 681): *Κωνσταντίνος δὲ ὁ ἐξ Ἀρμενίων, ὁ πατὴρ Θωμᾶ πατρικίου καὶ Γενεσίου δρογγαρίου (!) τῆς βιγλας λευκός.* — Leo Grammaticus (ed. Bonn. p. 249): *Κωνσταντίνος δὲ ὁ ἐξ Ἀρμενίων, ὁ πατὴρ Θωμᾶ πατρικίου καὶ γενεσίου* etc. — Theodosius Melit. (ed. Bonn. p. 174): *Κωνσταντίνος δὲ ὁ ἐξ Ἀρμενίων, ὁ πατὴρ Θωμᾶ πατρικίου καὶ γενεσίου* etc.

тельству было предотвращено лишнее кровопролитіе. Наконецъ, мы узнаемъ, что Константинъ былъ родственникомъ и другомъ императора Василія.

„Если же,“ говоритъ Гиршъ, „нашъ авторъ интересуется столь Константиномъ, то онъ, очевидно, для этого имѣлъ особый поводъ“. „Если же“ — продолжаетъ Гиршъ — „мы знаемъ, что Константинъ имѣлъ сына Генесія, а этотъ Генесій написалъ историческое сочиненіе, то мы уже изъ одного этого въ состояніи заключить, что наша хроника — именно данное историческое сочиненіе. Эта вѣроятность увеличивается еще, во-первыхъ, потому, что мы встрѣчаемъ имя „Генесія“ въ рукописи, и, во-вторыхъ, потому, что замѣчаніе Скилицы о Генесіи подтверждается содержаніемъ нашей хроники“.

Таковы доказательства Гирша, основанныя на содержаніи хроники, а не на палеографическомъ матеріалѣ, ибо Гиршъ считаетъ наличность оглавленія „*GENESIΟΥ*“ лишь второстепеннымъ доказательствомъ.

Итакъ, если считать доводы Гирша убѣдительными, а, слѣдовательно, затѣмъ и его выводы правильными, то у насъ получатся довольно значительныя свѣдѣнія о происхожденіи и жизни автора нашей хроники, и имя Генесія пріобрѣтаетъ легальное значеніе.

Но къ сожалѣнію дѣло обстоитъ немного иначе. Если мы внимательно вникнемъ въ кругъ мыслей Гирша и прослѣдимъ порядкомъ его умозаключеній, то мы натолкнемся на внутреннее противорѣчіе въ его системѣ, на *circulus vitiosus*. Вѣдь Гиршъ, рѣшая вопросъ о личности автора, исподтишка ссылается на авторство „Генесія“, какъ на вполне достовѣрный фактъ и, комбинируя этотъ фактъ съ извѣстіемъ почерпнутымъ изъ хроники Георгія Амартола, опредѣляетъ личность Генесія. Но именно авторство Генесія и является главнымъ спорнымъ вопросомъ, котораго нельзя рѣшить иначе — не впадая въ *circulus vitiosus* —, какъ на основаніи палеографическаго матеріала, которымъ Гиршъ пренебрегаетъ.

Кромѣ того, противъ отдѣльныхъ частей теоріи Гирша можно выдвинуть рядъ возраженій, способныхъ пошатнуть его построенія.

Переходя теперь къ критическому пересмотру теоріи Гирша, мы должны будемъ обратиться къ статьѣ Wäschke. Эта статья,

помѣщенная въ 37-мъ томѣ „Philologus'a“, весьма интересна по своему содержанію и имѣетъ для работающаго надъ Генесіемъ бѣльшее значеніе, чѣмъ можно было бы ожидать отъ этой, по объему небольшой, статьи. Wäschke избралъ для достиженія цѣли, т. е. для установленія личности автора, другой путь. Онъ старается доказать существованіе Генесія, какъ автора нашей хроники, не путемъ данныхъ содержанія, а на основаніи палеографическаго матеріала.

И намъ кажется, что такой методъ болѣе пригоденъ, чѣмъ методъ Гирша. Вѣдь такъ какъ въ самой хроникѣ нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на авторство Генесія, то почва, на которой намъ приходится строить наши положенія, есть именно данный намъ палеографическій матеріалъ — въ частности слово *ΓΕΝΕΣΙΟΥ* —, но отнюдь не какіе либо моменты, взятые изъ содержанія хроники, — на примѣръ пристрастное отношеніе автора въ армянину Константину. Эти послѣдніе аргументы могутъ служить косвеннымъ доказательствомъ, но не болѣе.

Вторая глава статьи Wäschke, какъ показываетъ заглавіе: *Über das Leben des Genesisos* — посвящена нашему вопросу.

Критикуя теорію Гирша, Wäschke выдвигаетъ противъ ея слѣдующіе аргументы:

1) Wäschke указываетъ намъ чисто-логическую ошибку, вкравшуюся въ аргументацію Гирша. Послѣдній говорить: „если мы знаемъ, что Константинъ имѣлъ сына Генесія и что этотъ Генесій написалъ историческое сочиненіе“ и т. д.; — и Wäschke совершенно правильно указываетъ, что мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобы сынъ Константина написалъ историческое сочиненіе. Гиршъ смѣшиваетъ понятіе Генесія-сына съ понятіемъ Генесія-историка, тожество которыхъ слѣдуетъ сперва доказать.

2) Wäschke сомнѣвается въ существованіи Генесія-сына:

а) Лишь въ Cod. Vatic. Georgii Monachi находится замѣтка „καὶ Γενεσίου“. Въ Codd. Mosc. Paris. и Monac. она отсутствуетъ. Wäschke полагаетъ, что слово *Γενεσίος* обозначаетъ совсѣмъ не имя собственное, а прилагательное, — какой нибудь титулъ, вродѣ *πατριῶσιος*, потому что въ Theodosius Melit. p. 174 слово *γενεσίος* пишется съ маленькой буквы. Но этотъ доводъ, намъ кажется, выбранъ не очень удачно, ибо, во-первыхъ въ руко-

писяхъ имена собственные обыкновенно пишутся съ маленькой буквы (ошибка боннскаго издателя), а во-вторыхъ Symeon mag: ὁ πατήρ Θεοφῶ πατρικίου καὶ Γενεσίου δρουγγαρίου τῆς βίγλας. Здѣсь, понятно, ошибка Симеона: δρουγγάριος τῆς βίγλας относится, какъ и у Georg. Mon. Cont. и у другихъ, къ Константину, а не къ Генесію, но редакторъ рукописи или авторъ хроники никогда не слѣлалъ бы этой ошибки, еслибы „GENESIUS“ не было имя собственное.

Итакъ этотъ доводъ Wäschke не идетъ въ счетъ.

b) Почему, спрашиваетъ Wäschke, Генесій не выдаетъ себя за сына Константина? Правда, весьма странное обстоятельство, но само по себѣ еще ничего не доказывающее.

с) Хронологически невозможно, чтобы Генесій - историкъ могъ быть сыномъ Константина.

Такъ какъ съ одной стороны исчисленія Wäschke не отличаются убѣдительною ясностью, а съ другой онъ слишкомъ мало пользовался біографическими данными Константина, то мы попытаемся произвести исчисленіе заново: Константинъ явился въ Константинополь во время царствованія императора Теофила (829—842) въ качествѣ заложника и вскорѣ былъ назначенъ командиромъ императорской лейбъ-гвардіи и пожалованъ званіемъ патрикія и логоета ¹⁾. Занималъ ли онъ уже эту важную должность въ 842 г., т. е. во время возстановленія православія, изъ текста заключить нельзя. Однако мы знаемъ, что по поводу этого событія на него и на нѣкоторыхъ его товарищей (а можетъ быть и подчиненныхъ) изъ тѣлохранителей была возложена щекотливая задача, удалить иконоборствующаго патріарха Іоанна съ патріаршей каѳедры ²⁾. Разумѣется, Константинъ тогда былъ не мальчикомъ, а уже взрослымъ мужчиною и ему, по всей вѣроятности, тогда было наврядъ ли менѣе 30 лѣтъ. Слѣдовательно,

1) Genes. p. 81 . . . „ἐξ ἀρχηγῶν καὶ συναυταδέλφων σταλέντα πρὸς βασιλέα Θεόφιλον ἐπιχειροκρούσεως ὕμνον, ὃς οὐ μετὰ μακρὸν χρόνον διὰ τε τὴν αὐτοῦ ψυχῆς, τε καὶ σώματος εὐκοσμίαν καὶ τὴν ἄλλην περὶ τὰ βέλτιστα φιλόκαλον πρόθεσιν δρουγγάριος τοῦ ἀριθμοῦ ἦτοι τῆς βασιλικῆς βίγλης καθίσταται, ἐντεῦθεν πατρικίος τε καὶ λογοθέτης τοῦ δρόμου γεραίρεται.

2) *ibid.* . . . ἀποπέλλουσι πρὸς αὐτὸν (патріарху) ἄνδρας ἀξιολόγους τῶν ἐπὶ τῆς φυλακῆς βασιλέως, τοῦ πατριαρχείου καταργεῖν. Патріархъ пожаловался Варду, что . . . ἐπεπόνθειν δὲ μάλιστα παρὰ Κωνσταντίνου τοῦ ἐξ Ἀρμενίων καὶ τῶ τῶν ἐξκουρίτων ἐμπρέποντος τάγματι.

онъ родился приблизительно въ 812 г. Хроника Генесія написана во время самодержавнаго правленія Константина Багрянороднаго, т. е. между 945 и 959. Положимъ, что она написана въ 945 г., тогда мы получимъ слѣдующее:

$$945 - 812 = 133,$$

т. е. между рожденіемъ Константина и появленіемъ въ свѣтъ книги сына его лежитъ промежутокъ времени въ 133 года. Положимъ, что Генесію было 70 (!) лѣтъ отъ роду, когда онъ написалъ хронику, тогда получится, что Константину было 63 года, когда у него родился сынъ. Но не слѣдуетъ забывать, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ минимумомъ, ибо мы взяли для появленія хроники первый годъ правленія Багрянороднаго.

Эти хронологическія неудобства старается устранить de Boog. Желая спасти комбинацію Гирша de Boog указываетъ на мѣсто въ Codex Vaticanus № 163, гдѣ встрѣчается такой вариантъ *Κωνσταντίνος ὁ ἐξ Ἀρμενίων, ὁ πατὴρ Θωμᾶ τοῦ πατρικίου καὶ λογοθέτου τοῦ δρόμου, πάππος δὲ Γενεσίου πατρικίου καὶ ἐπὶ τοῦ καρχηλείου, ἔπλευσε λευκός*. Кромѣ того, de Boog сообщаетъ, что въ числѣ друзей и корреспондентовъ Льва Дипломата ¹⁾ мы находимъ опять какихъ то магистра, антипата и патрикія Генесія и патрикія Θому.

На основаніи этихъ данныхъ de Boog составляетъ слѣдующую генеалогическую таблицу:

Константинъ а. 866/7
δρουγγάριος τῆς βίγλης.

Θομα	Генесій
<i>πατρικίος καὶ λογοθέτης τοῦ δρόμου</i> при Львѣ VI.	<i>μάγιστρος, ἀνθύπατος καὶ πατρικίος</i> при Львѣ VI.
Генесій ²⁾	
<i>πατρικίος καὶ ἐπὶ τοῦ καρχηλείου</i> при Конст. Багр.	

1) Письма Льва Дипломата, изданныя Сакеллиономъ въ *Δελτίον* ъ. Февраль 1884 г. р. 406 sqq.

ΚΑ'. *Λέων μάγιστρος καὶ πατρικίος Γενεσίῳ ἀνθυπάτῳ πατρικίῳ. Ἐκ τοῦ Βαγδά.*
 ΚΒ'. *Γενεσίος μάγιστρος ἀνθύπατος καὶ πατρικίος Λέοντι μαγίστῳ etc.*

ΚΔ'. *Θωμᾶς πατρικίος Λέοντι μαγίστῳ.*

2) Почему de Boog считаетъ Генесія младшаго сыномъ Θомы, а не сыномъ Генесія старшаго, онъ не указываетъ.

Этого-то Генесія младшаго, внука Константина, de Boog считаетъ авторомъ „Исторіи Царей“.

Если мы въ правѣ, слѣдуя за de Boog'омъ, вполне положить на данную замѣтку Cod. Vatic. № 163, то эта весьма удачная комбинація способна устранить хронологическія неудобства теоріи Гирша. Но и не болѣе. Теорія Гирша далеко еще не спасена. Положимъ, что Константинъ имѣлъ и сына, и внука Генесія, то вѣдь изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, что либо тотъ, либо этотъ написалъ историческое сочиненіе. Вѣдь между Генесіемъ-историкомъ и Генесіемъ-сыномъ (или внукомъ) не существуетъ никакой логической связи. И мы лишь вправѣ сказать, что существуетъ нѣкоторая вѣроятность, но отнюдь не достовѣрность, что Генесій-внукъ и нашъ авторъ одно и то же лицо. Но и эта вѣроятность основана лишь на предположеніи, что авторъ „Исторіи Царей“ назывался именно Генесіемъ — а это надо еще предварительно доказать. Представимъ себѣ, что какимъ нибудь образомъ потерялось бы знаменитая надпись *GENESIOY*, то тогда наша хроника считалась бы совершенно анонимнымъ сочиненіемъ, и никому не пришло бы въ голову выдавать за ея автора патрикія *καὶ ἐπὶ κατικλείου* Генесія — при отсутствіи какихъ либо прямыхъ данныхъ — на основаніи лишь того, что авторъ хроники питаетъ симпатію къ Константину, тѣмъ болѣе, что такое пристрастное отношеніе автора можно объяснить еще совсѣмъ другимъ образомъ. Вѣдь, по сообщенію самаго же Генесія, Константинъ былъ родственникомъ императора Василія I-го, основателя армяно-македонской династіи, дѣда Константина VII; болѣе того, Константинъ оказалъ Василію весьма важную услугу (р. 110)¹⁾ — въ сущности Василій былъ ему обязанъ своею столь блестящей карьерой. — Ясно, что при такихъ условіяхъ авторъ „Исторіи Царей“ долженъ былъ изобразить Константина въ самыхъ лучшихъ краскахъ, если хотѣлъ угодить императору Константину, по порученію котораго и взялся за трудъ.

1) р. 110. *καὶ δὴ πάντες παλαιστοικοὶ βασιλέως καὶ Καίσαρος ἠτιῶσι τοὺς ἄλλους, ἄνευθε Βασιλείου μὴ τῇ παλαιστῶρα παρόντος. προσεκέληται διὸ καὶ αὐτὸς καὶ πρὸς μονομαχίαν τοῦ κρείττονος ἄγεται· καθ' ὃν τὰ πρὸς φιλίαν ἐξ ἀγχιστείας ὁ Κωνσταντῖνος καλῶς διακείμενος προστάττει τὸ ἔδαφος ἀχρόω περιαντίζεσθαι, ἵνα μὴ πως διολισθαῖνοι Βασίλειος.*

Къ этимъ соображеніямъ можно прибавить еще одно. Исслѣдователи Генесія не обратили вниманія на то, что Іоаннъ Скилица упоминаетъ въ предисловіи къ своей хроникѣ Іосифа Генесія. Спрашивается, почему же Скилица называетъ его Іосифомъ Генесіемъ, а не патрикіемъ *καὶ ἐπὶ τοῦ πατρικείου*? Вѣдь Скилица, по всей вѣроятности, имѣлъ довольно солидныя свѣдѣнія по византійской литературѣ, почему же онъ не сумѣлъ правильно передать имя и титулъ историка — по теоріи Гирша и de Voog'a патрикія Генесія, — а говоритъ о какомъ-то Іосифѣ Генесіи? Очевидно потому, что ему патрикія Генесія какъ историкъ былъ неизвѣстенъ, а зналъ онъ лишь Іосифа Генесія. Но тутъ мы подходимъ къ вопросу совсѣмъ иного порядка: имѣли ли Скилица въ виду нашу хронику, когда говорилъ о Іосифѣ Генесіи? Намъ кажется, что рѣшить этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ — невозможно.

Академикъ В. Г. Васильевскій, касаясь мимоходомъ даннаго вопроса *), полагаетъ, что Скилица намекаетъ именно на нашу хронику. В. Г. Васильевскій ссылается на два мѣста предисловія Скилицы, относящіяся, повидимому, къ „Исторіи Царей“ (см. выше стр. 28).

1) *ἄλλος δὲ καὶ ὡς προσετέτακτο!*. — Наша хроника же, какъ выше указано, была написана по порученію Багрянороднаго. Однако, нѣтъ надобности эту замѣтку Скилицы относить непременно къ Генесію. Вѣдь по порученію знатныхъ особъ создавались многія сочиненія, въ томъ числѣ, напримѣръ, и продолженіе Теофана.

2) *ἕτερος δὲ φίλον ἐγκώμιον*. — В. Г. Васильевскій, слѣдуя за Гиршемъ, полагаетъ, что подъ „другомъ“ именно подразумѣвается тотъ же самый, намъ столь хорошо знакомый, армянинъ Константинъ. Но эта замѣтка не можетъ имѣть отношенія къ нашей хроникѣ, ибо ея авторъ не могъ быть другомъ Константина, жившаго (см. выше) лѣтъ 100 до него. Гораздо же вѣроятнѣе, что Скилица имѣлъ тутъ въ виду историка Мануила, современника Генесія, прославившаго въ восьмитомной книгѣ подвига Іоанна Куркуи, полководца императора Романа I²).

1) Васильевскій. Въ защиту подлинности житія патриарха Игнатія. Виз. Рв. 6 (1899) стр. 48 слл.

2) Theoph. Cont. p. 427. *οἱ δὲ λαμπρῶς ποθοῦντες καὶ θέλοντες μαθεῖν τὰς*

Но не говорятъ ли какія нибудь другія соображенія за тожество Юсифа Генесія съ авторомъ „Исторіи Царей“?

Правда, Гиршъ старается доказать, что Скилица кое-гдѣ черпаетъ изъ „Исторіи Царей“, но вѣдь это еще не доказываетъ, что именно „Исторія Царей“ принадлежитъ Юсифу Генесію, на котораго Скилица ссылается. Вѣдь Скилица, какъ извѣстно, имѣлъ подъ рукою цѣлый рядъ источниковъ.

Далѣе, Скилица упоминаетъ Юсифа Генесія въ числѣ авторовъ монографій; но намъ кажется, что „Исторія Царей“ едва-ли имѣетъ характеръ монографическаго сочиненія, едва-ли ее можно поставить на одну ступень съ книгами Никиты Пафлагонскаго или Мануила. Это чистыя монографіи: предметъ изложенія первой — исторія патриарха Игнатія, а второй — domestика Куркуи. А „Исторія Царей“ обнимаетъ цѣлый періодъ исторіи Византіи.

Наконецъ, нельзя отмѣтить въ нашей хроникѣ той, бросающейся въ глаза, субъективности и тенденціозности, въ которой упрекаетъ Скилица Юсифа Генесія. Въ этомъ отношеніи „Исторія Царей“ нисколько не выходитъ изъ ряда другихъ византійскихъ хроникъ (въ ихъ числѣ и хроника самаго Скилицы). Hergenröther считаетъ автора „Исторіи Царей“ въ общемъ весьма достовѣрнымъ¹⁾. Впрочемъ, окончательное рѣшеніе вопроса о тожествѣ Юсифа Генесія и автора хроники зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, кто ея авторъ — Генесій или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ многое будетъ говорить въ пользу тожества этого Генесія и Юсифа Генесія, въ противномъ случаѣ данный вопросъ получить совершенно отрицательное рѣшеніе.

Итакъ, все сводится къ вопросу: какое имя автора?

Познакомившись въ предыдущихъ строкахъ съ попытками установить личность автора и убѣдившись, что всѣ комбинаціи, основанныя на какихъ-либо элементахъ содержанія, не приводятъ — за неимѣніемъ прямыхъ данныхъ — къ окончательному рѣшенію вопроса, мы теперь обратимся непосредственно къ самой рукописи и попытаемся рѣшить вопросъ на основаніи самаго палеографическаго матеріала.

τοῦ Ἰωάννου Κορυζοῦ ἀριστείας καὶ συγγραφῆς ἐν ὀκτὼ βιβλίοις ἐκτεθείσας παρὰ Μανουὴλ πρωτοπαθαρῖον καὶ χριτοῦ.

1) Hergenröther, Photios I, p. 599.

Если намъ какимъ-нибудь образомъ удастся доказать, что надпись *GENEΣIOY* принадлежитъ редактору рукописи или была воспроизведена кѣмъ-нибудь на основаніи вполне достовѣрныхъ слѣдовъ или остатковъ, то мы можемъ сдѣлать заключеніе, что нашъ авторъ — дѣйствительно какой-то Генесій.

Установивъ, такимъ образомъ, названіе автора, мы будемъ въ состояніи считать возросшей, но отнюдь не перешедшей въ достовѣрность вѣроятность, что нашъ авторъ и сынъ (или внукъ) Константина съ одной и Юсифъ Генесій съ другой стороны — одно и то же лицо.

Изъ слѣдующаго мы узнаемъ дѣйствительно авторъ „Исторіи Царей“ — Генесій, или же это — только предположеніе.

III.

Рѣшеніе вопроса о личности автора.

Wir sind also nach wie vor auf das Zeugnis der Handschrift einzig und allein angewiesen. Wäschke „Genesius“.

Изъ предыдущей главы ясно, что рѣшить вопросъ о личности автора „Исторіи Царей“ возможно лишь путемъ анализа рукописныхъ данныхъ. Этотъ единственно возможный методъ указанъ Wäschke и его главная заслуга заключается именно въ указаніи этого метода; результаты же его изслѣдованій оспоримы. Wäschke доказываетъ принадлежность слова „*GENEΣIOY*“ редактору рукописи слѣдующимъ образомъ:

Замѣтка „*τοϋ*“ (въ нашей таблицѣ № 8), принадлежащая несомнѣнно автору рукописи, имѣетъ ту же форму, какъ слогъ „*του*“ въ замѣткѣ „*τοῦρκος*“ (№ 4), — слѣдовательно, и эта замѣтка написана редакторомъ рукописи. Но „*τοῦρκος*“ и „*GENEΣIOY*“ имѣютъ одни и тѣ же чернила, — слѣдовательно, обѣ онѣ принадлежатъ одному лицу. Въ общемъ итогъ тогда получается, что *τοῦ*, *τοῦρκος*, „*GENEΣIOY*“ и сама рукопись имѣетъ одного и того же писца.

Однако нельзя же упускать изъ виду, что на послѣднемъ листѣ, какой то Симеонъ хвастается, что ему удалось возстановить имя автора. Такъ развѣ не ему же принадлежитъ надпись „*GENEΣIOY*“? Такое возраженіе предугадываетъ Wäschke и старается доказать, что Симеонъ (стихотворецъ С) не могъ написать

слова „ГЕНΕΣΙΟΥ“. Вѣдь, если это было бы такъ, то тогда въ данномъ стихѣ „ἐγὼ δὲ ἀνεπλήρωσα“ и въ „ГЕНΕΣΙΟΥ“ должны были бы совпадать рука и чернила, чего, по мнѣнiю Wäschke, въ дѣйствительности нѣтъ. Слѣдовательно, заявленiе Симеона не является препятствiемъ считать редактора надписи „ГЕНΕΣΙΟΥ“ и редактора рукописи однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Такимъ образомъ мы получаемъ, что эта надпись входитъ въ составъ рукописи, и, слѣдовательно, мы не имѣемъ никакого основанiя сомнѣваться въ авторствѣ Генесiя. Таковы взгляды Wäschke.

Но съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться. Положенiе Wäschke легко—по нашему мнѣнiю—опровержимо.

1. Форма „τοῦ“ (замѣтка № 8) и „του“ въ замѣткѣ „τοῦρος“ не одна и та же. При разборѣ замѣтокъ (глава I) именно на это обстоятельство было обращено вниманiе.

2. Чернила въ „ГЕНΕΣΙΟΥ“ гораздо темнѣе чернилъ рукописи, не смотря на то, что конецъ ея написанъ довольно темными чернилами. Что же касается до стихотворенiя „ἐγὼ δὲ ἀνεπλήρωσα etc.“, то авторъ даннаго сочиненiя послѣ неоднократныхъ наблюденiй пришелъ къ тому убѣжденiю, что чернила въ „ἐγὼ δὲ etc.“ и въ „ГЕНΕΣΙΟΥ“ не проявляютъ замѣтнаго различiя и что принадлежность данной надписи Симеону весьма вѣроятна.

Доводъ же Wäschke, что въ обоихъ случаяхъ имѣется различный почеркъ—неубѣдителенъ, ибо мы наблюдаемъ въ надписи совсѣмъ иной шрифтъ (сравн. снимки №№ 1 и 3).

Но положимъ, что Wäschke тѣмъ не менѣе правъ, когда говоритъ, что слово „ГЕНΕΣΙΟΥ“ искони находилось въ рукописи. Какъ же тогда объяснить существованiе стиховъ на концѣ? Вѣдь разъ имя автора было извѣстно, то данные стихи не имѣли бы никакого смысла. Почему же тогда три читателя, Олимпiй, неизвѣстный и Симеонъ, должны были истощать зря свой поэтический даръ?

Объясненiе Wäschke весьма слабо. По его мнѣнiю первый и второй не сумѣли прочитать имени—явное противорѣчiе, ибо вѣдь Wäschke же полагаетъ, что надпись „ГЕНΕΣΙΟΥ“ искони существовала въ томъ видѣ, въ какомъ и мы ее читаемъ. Третiй, Симеонъ, ухитрился воспроизвести наполовину (почему?) исчезнувшее слово „ГЕНΕΣΙΟΥ“—второе противорѣчiе, ибо разъ по

Wäschke: *ἐκκόλλω*—обрѣзывать (см. ст. 26—27), то тутъ о воспроизведеніи испорченной надписи не можетъ быть и рѣчи.

Кромѣ указанныхъ противорѣчій, положеніе Wäschke диаметрально противоположно результатамъ его собственнаго палеографическаго анализа.

Вѣдь W. оспариваетъ, что надпись „*GENEΣIOY*“ принадлежитъ Симеону.

Итакъ, при доказательствѣ подлинности „*GENEΣIOY*“ Wäschke допустилъ посылки, несоотвѣтствующія дѣйствительности. Болѣе того, на основаніи собственныхъ наблюденій мы отважимся доказать, что данная надпись не только не принадлежитъ писцу рукописи, но что она и не можетъ принадлежать ему, а попала на пергаментъ значительно позже и совершенно случайнымъ образомъ. Для этого обратимъ наше вниманіе сперва на буквы въ словѣ „*GENEΣIOY*“.

1. Въ рукописи наклонность буквъ равняется углу въ 70°; тутъ же никакой наклонности нѣтъ и буквы стоятъ прямо.

2. Буквы расположены не въ горизонтальной линіи. Последняя буква „Y“ стоитъ гораздо выше первой „Г“. Редакторъ рукописи постѣснился бы написать вкривь имя автора-историка.

3. Форма буквы „ν“ въ рукописи имѣетъ такой видъ: N; напротивъ форма „ν“ въ надписи:

4. Весьма подозрительную форму имѣетъ буква „Y“: Нигдѣ въ рукописи такая форма не встрѣчается. Въ замѣткѣ № 10, принадлежащей редактору рукописи, ясно видно, какъ послѣдній писалъ: „ou“.

Все это, да еще несовпаденіе чернилъ рукописи и надписи „*GENEΣIOY*“, убѣждаетъ насъ, что данная надпись не принадлежитъ редактору рукописи, а попала въ нее другимъ путемъ.

Но кромѣ того, противъ подлинности надписи говоритъ еще и то, что она помѣщена слишкомъ высоко на пергаментѣ. Легко найти крестъ, поставленный, очевидно, самимъ редакторомъ (наклонность, чернила, тонъ), находящійся почти на одной линіи со словами „*Sriptor historiae Byzantinae etc.*“

Положимъ, что когда-нибудь тутъ и находилось начало хроники, содержащее и названіе автора, — однако наличность креста отнюдь не можетъ служить доказательствомъ существованія потеряннаго начала хроники, тѣмъ паче, что до насъ не дошло ни

малѣйшихъ его слѣдовъ, — то во всякомъ случаѣ имя автора находилось бы либо въ одной линіи креста, либо ниже, но никакимъ образомъ не выше. „GENEΣIOY“ же находится гораздо выше линіи креста.

Наконецъ мы обязаны указать еще на одно обстоятельство, имѣющее рѣшающее значеніе для интересующаго насъ вопроса.

Никто изъ изслѣдователей Генесія не обратилъ вниманія на существованіе слѣдовъ какихъ-то поплѣднѣввшихъ начертаній, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ слова „GENEΣIOY“. Однако **именно здѣсь и находится ключъ для рѣшенія вопроса о личности автора „Исторіи Царей“.**

Надпись начинается на самомъ верху; въ лѣвомъ углу совершенно отчетливо еще сохранился крестъ. Затѣмъ слова идутъ направо вверхъ и скоро теряются—половина ихъ находилась на отрѣзанномъ кускѣ пергамента. Кромѣ этой, есть еще и другая строка; первая ея слова стоятъ на лѣво отъ „Scriptor Historiae Byzantinae“ затѣмъ греческая надпись пересѣкаетъ латинскую и идетъ тоже направо вверхъ, параллельно съ верхней строкой и—что очень характерно—съ надписью „GENEΣIOY“.

Намъ удалось прочесть слѣдующее:

· · · Λιμ τακηση
 οκέρδ ἔσ . . ες ἦρες κακοβουλίας

то есть λιμὸν τακήση

καὶ κέρδος ἔσχεσ πλῆρες κακοβουλίας.

Что же у насъ получилось?

Намъ уже извѣстные стихи неизвѣстнаго стихотворца (B).

Но одно ли лицо писало ихъ оба раза? Попробуемъ анализировать остатки и, сравнивая ихъ со стихами въ концѣ рукописи, дать вопросу рѣшеніе. Вѣдь можно бы было возразить намъ, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ двумя совсѣмъ разными почерками.

На это мы можемъ отвѣтить, что хотя, правда, величина буквъ въ обоихъ случаяхъ различная, но это тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ намъ считать, что и то и другое принадлежитъ одному писцу, ибо величина буквъ въ началѣ рукописи обуславливалась тѣсною мѣста—авторъ стиха долженъ былъ помѣстить все свое стихотвореніе на узкомъ кускѣ пергамента, между верхнимъ

краемъ и первой линіей текста. Внизу же, въ концѣ рукописи, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи много мѣста, и ему не надо было стѣснять себя. Слѣдуя своему предшественнику, Олимпію, онъ здѣсь и исписалъ почти что полъ-страницы.

Тѣмъ не менѣе многія буквы имѣютъ въ обоихъ случаяхъ одну и ту же форму:

Fol. 248 a.	Fol. 285 v.
1. Буква: η въ словѣ: <i>τακῆση</i>	Буква: η въ словѣ: <i>τακῆση</i>
2. „ а „ „ <i>τακῆση</i>	„ а „ „ <i>μεμβράνας</i>
3. Знакъ ζ (<i>καί</i>) передъ словомъ: <i>κέρδος</i>	Знакъ ζ (<i>καί</i>) <i>ibid.</i>
4. Буква: ρ въ словѣ: <i>κέρδος</i>	Буква: ρ <i>ibid.</i>
5. Сочетаніе буквъ ε и ζ=έζ	Тоже самое.
6. Буква: ρ въ словѣ: <i>πλήρες</i>	Буква ρ въ словѣ: <i>ἀρχῆ</i>

Итакъ мы вполне въ правѣ утверждать, что тутъ имѣемъ дѣло съ исчезнувшей надписью, принадлежавшей автору стиха В.

Очевидно нашъ незнакомецъ, не найдя въ рукописи названія автора хроники, почувствовалъ потребность выразить свое по этому поводу неудовольствіе въ поэтической формѣ. Сперва онъ для этого выбралъ мѣсто въ главѣ рукописи; однако его стихи не помѣстились тутъ и, не доведя ихъ до конца, онъ помѣстилъ ихъ на послѣдней страницѣ рукописи, сейчасъ же за стихами Олимпія. Затѣмъ либо онъ самъ, либо кто-нибудь послѣ него попытался удалить сей фрагментальный стихъ на Fol. 248 a; насколько это ему удалось, мы можемъ сами судить.

Переходя теперь къ выводамъ, получаемымъ изъ нашихъ наблюдений, мы сперва должны сдѣлать еще одну оговорку.

Мы предполагаемъ, что на первой страницѣ рукописи, между верхнимъ краемъ и первой строкой текста находилось пустое пространство. Если это такъ, то спрашивается, почему же стихотворецъ В желалъ уморить голодною смертію того, кто уничтожилъ названіе автора? Почему же нашъ поэтъ зналъ вообще о порчѣ пергамента и исчезновеніи имени автора? Не заключается ли тутъ противорѣчіе съ нашимъ положеніемъ? Но мы въ состояніи устранить это кажущееся противорѣчіе путемъ тройкаго предположенія.

1. Нашъ поэтъ на пустомъ пространствѣ увидѣлъ крестъ (см. табл. № 1) и, полагая, что гдѣ есть крестъ, тамъ должна

быть и какая-нибудь надпись, и не найдя таковой, подумалъ, что кто-то ее стеръ или выскаблилъ (*ἐκκόπτω* въ смыслѣ Гирша) и этимъ уничтожилъ цѣнное названіе автора. И вотъ онъ вознегодовалъ на незнакомаго злоумышленника.

Такое предположеніе намъ кажется самымъ вѣроятнымъ, ибо, во-первыхъ, мы, кромѣ нами вышеуказанныхъ слѣдовъ (*λιμὴ τακίση* и *καὶ κέρδος* etc.) не замѣчаемъ никакихъ иныхъ, а во вторыхъ, только лишь этимъ обстоятельствомъ (наличность пустаго пространства до появленія надписи, слѣды которой дошли до насъ) объясняется совершенно пассивное отношеніе стихотворца А, Олимпія, къ исчезновенію надписи, свидѣтельствовавшей о какомъ либо авторѣ. Олимпій, въ рукахъ котораго и до В и С находилась рукопись, не найдя названія автора, просто выдаетъ за автора посторонняго человѣка¹⁾.

2. Быть можетъ, пергаментъ былъ обрѣзанъ—но понятно не на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ кончается теперь, ибо этотъ послѣдній обрѣзъ долженъ быть отнесенъ къ болѣе позднему времени, — а нашъ поэтъ могъ подумать, что при этомъ обрѣзываніи (*ἐκκόπτω* въ смыслѣ Wäsche) и погибло начертаніе имени автора.

3. Наконецъ, даннымъ стихамъ (В) мы можемъ дать и такое объясненіе: ихъ авторъ нашелъ какіе-нибудь остатки, до насъ совершенно не дошедшіе—а въ ихъ существованіи мы очень сильно сомнѣваемся—и придалъ имъ біографическое значеніе.

Во всякомъ изъ этихъ трехъ случаевъ стихотворецъ В не нашелъ достаточно матеріала для вывода относительно личности автора; **тѣмъ паче такого матеріала нѣтъ у насъ.**

Но спрашивается, къ чему насъ обязываетъ наличность надписи „*ΓΕΝΕΣΙΟΥ*“? Разъ подъ даннымъ словомъ находятся начертанія, тождественныя со стихомъ В., то, слѣдовательно, само слово „*ΓΕΝΕΣΙΟΥ*“ принадлежитъ уже болѣе позднему времени.

Авторъ этой надписи, по всей вѣроятности, Симеонъ, — рассматривая первую страницу рукописи нашелъ полупоблекшую надпись, про которую мы теперь знаемъ, что эта была часть стиха В. Онъ же, полагая, что тутъ должно находиться названіе

1) Что мы не имѣемъ никакого права считать киликійскаго епископа авторомъ хроники лишь на основаніи этихъ стиховъ, само собою понятно. Кромѣ того, въ содержаніи самой хроники мы не находимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ того, что ея авторъ—лицо духовное (Гиршъ стр. 121).

автора, вообразилъ себѣ, что нашелъ слово „*GENEΣIOY*“ на самой срединѣ линіи и воспроизвелъ это слово, о чемъ онъ и свидѣтельствуеъ въ стихъ С.

И вотъ мы получаемъ прекуръезную исторію: одинъ читатель (стихотворецъ В) не находитъ названія автора и пишетъ объ этомъ; другой читатель (стихотворецъ С) ухитряется отыскать названіе въ слабыхъ слѣдахъ начертаній своего предшественника. Спрашивается, обманываетъ Симеонъ или же онъ самъ обманулъ? На этотъ вопросъ отвѣтить трудно, впрочемъ отъ его рѣшенія и не зависитъ суть дѣла. Во всякомъ случаѣ, Симеонъ — *desertor desertus*, но его обманъ заключается не въ томъ, что онъ вовсе не возстановилъ названія автора, какъ полагаетъ Wäschke, а въ томъ, что онъ возстановилъ его неправильно.

Итакъ про надпись „*GENEΣIOY*“ мы можемъ сказать слѣдующее :

1. Она не принадлежитъ редактору нашей рукописи.

2. Она появилась гораздо ¹⁾ позже написанія рукописи и возстановлена произвольно. Отсюда однако слѣдуетъ, что довѣрять ей никакъ нельзя. Надпись эта нисколько не помогаетъ намъ найти истиннаго автора хроники. Но мы уже знаемъ, что личность автора не можетъ быть опредѣлена и косвеннымъ путемъ, т. е. на основаніи какихъ-либо комбинацій (какъ напримѣръ Гирша), — и наша хроника такимъ образомъ должна быть зачислена въ списокъ анонимныхъ сочиненій.

Подводя итогъ всему выше сказанному, мы должны отмѣтить, что пришли къ совершенно отрицательнымъ результатамъ. Нашъ послѣдній итогъ въ сущности — *non liquet*. Оказывается невозможнымъ опредѣлить личность автора нашей хроники; невозможно даже возстановить его имя.

Положеніе дѣлъ можетъ улучшиться лишь въ двухъ случаяхъ:

1. Если посчастливится открыть такія новыя рукописи хроники Генесія, въ которыхъ окажутся болѣе опредѣленные данныя относительно личности автора или

2. Если станутъ извѣстны какія-нибудь указанія другихъ завѣдомо достовѣрныхъ источниковъ исторіи Византіи, касающіяся нашего предмета.

1) Гораздо позже; даже послѣ появленія стиховъ *ὁ χρονη etc.*, ибо стихъ С и явился послѣ стиха Д (см. стр. 24).

Пока-же „Исторію Царей“ слѣдуетъ включить въ рядъ анонимныхъ сочиненій,—и если мы теперь и называемъ ее „Хроникой Генесія“, то мы не должны забывать, что имѣемъ право употреблять этотъ терминъ лишь въ видѣ рабочей гипотезы.

Въ установленіи такого рода положенія и заключается рѣшеніе задачи, намѣченной авторомъ даннаго сочиненія.

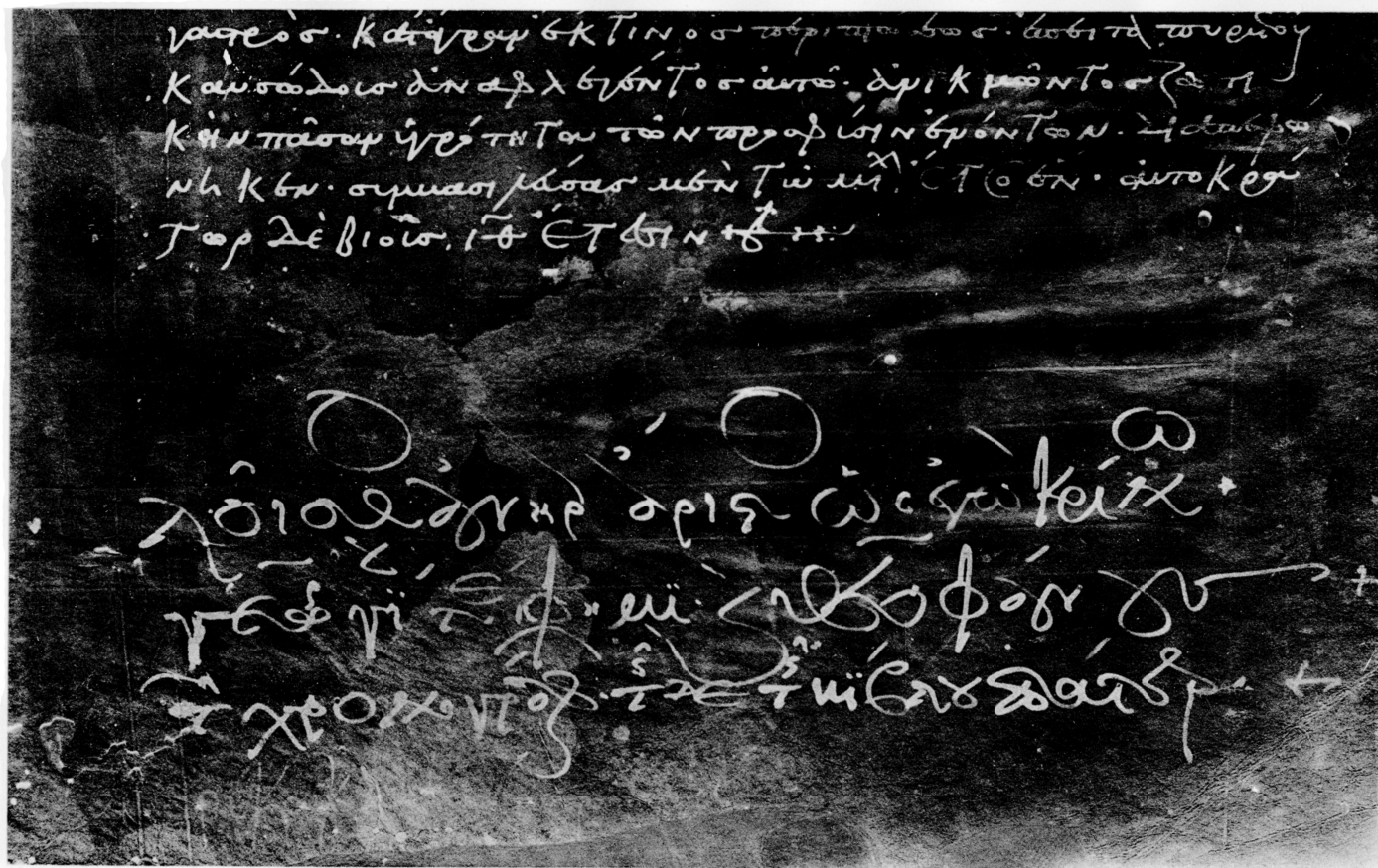
Въ заключеніи слѣдуетъ сдѣлать еще одно замѣчаніе: кто нашъ авторъ—мы не знаемъ, да при теперешнихъ условіяхъ и знать не можемъ; но о самомъ памятникѣ мы имѣемъ весьма цѣнное извѣстіе—онъ появился въ свѣтъ по приказу императора Константина Багрянороднаго. И это извѣстіе достовѣрно постольку, поскольку достовѣрно существованіе самаго памятника. Вотъ уголь зрѣнія, подѣ которымъ всякій историкъ, черпающій изъ „Исторіи Царей“, долженъ смотрѣть на Генесія и оцѣнивать свѣдѣнія, имъ доставляемыя. Нашъ авторъ относится пристрастно къ нѣкому армянину Константину, родственнику царствующей династіи; это — фактъ неоспоримый и это историкъ долженъ имѣть въ виду, если, заглянувъ въ этотъ уголокъ византиновѣдѣнія, пожелаетъ собрать біографическія данныя о сановникѣ Михаила III и Василя I.

Ф. Штейнманъ.

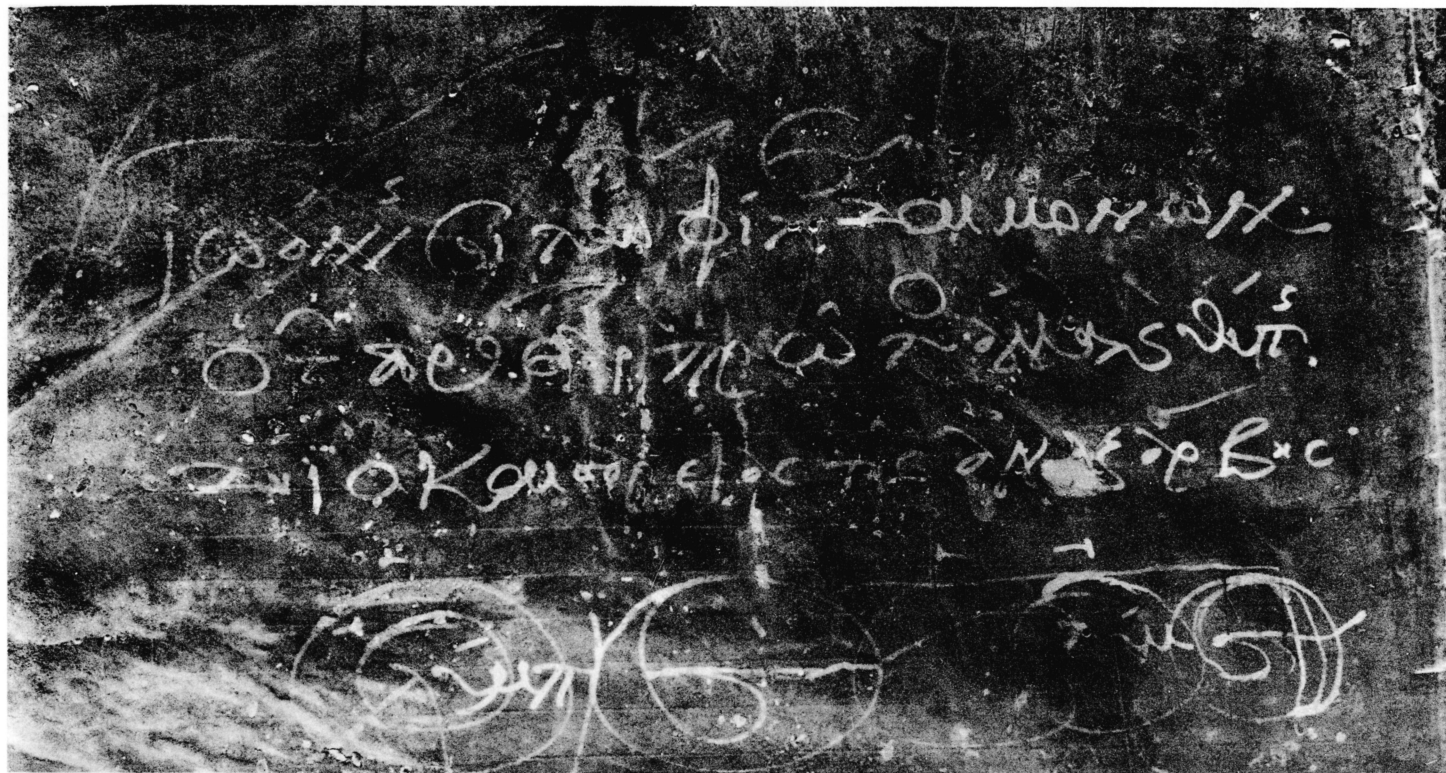
Συμφωνία Νηπιων Βυζαντινη α Κετροντων Γεννη
Κιμενη της αδ Αλεξου Βασιλη Μασεδωνυ συνδινα

ΠΕΡΙ ΤΩΝ ΕΞ ΑΜΟΛΙΚΩΝ ΤΩΝ ΤΗΝ ΕΞΙ ΤΟΥ ΑΣΤΕΡ ΒΙΒΛΙΟΝ ΕΣΤΙ ΕΛΕΥ 248
 ΣΑΤ ΑΥΤΟ ΚΑΤΑΡ ΜΕΛΕΤΑΙ ΚΑΙ ΚΑΜΑΤΙΟΙ ΜΗΤΟΙΣ ΕΝ ΟΙΔΩΡΟΝ ΕΤΗΚΑ.
 ΟΠΟΣ ΕΥΝΟ ΣΕΒΝΟΝ ΕΙ Η ΕΚ ΦΙΛΟΛΟΓΩΝ ΤΙ ΑΣ ΣΩΤΗΘΕΝ, ΕΚΤΕ ΠΕΘΟΥ.
 Η ΤΩΝ ΠΑΛΑΙ ΠΡΩΤΗ ΝΗ ΜΗ ΟΝΔΙ ΑΛΗΤΙΣ ΜΗΤΙ ΤΗΝ ΟΝ ΤΩΣ ΑΦ ΕΛΕΥΤΑΙ
 ΠΑΡΙ ΤΩΣ ΤΟΥΣ ΕΙΛΕΙΜΕΝΟΙΣ ΑΥΤΗΤ ΠΡΟΣ ΓΡΑΦΗΝ ΑΥΤΩΡ ΔΙ ΑΥΤΙ
 ΚΗΤΗΝ. Ο ΘΕΝ ΚΕ ΤΩ ΝΩ ΤΗΝ ΠΑΙ ΤΕ ΤΩΝ ΓΡΑΦΙΚΗΝ ΣΟΥΔΗΡ ΠΕΛΥ
 ΤΡΟΠΟΣ ΑΜΗΡΗ ΜΕΝΟΣ. ΕΚΤΕ ΤΩΝ ΤΕ ΜΕΤΑ ΟΙΩ ΤΩΝ ΕΞ ΕΜΟΣΤΟ
 ΠΟΣ ΕΙΔΩ ΤΩΝ. ΕΚΤΕ ΦΗ ΜΕΛΕΤΗ ΔΕΝ ΔΕ ΑΡΩΣΙΟ Η ΚΟΝΤΙ ΤΗΜΕΤΕ ΕΤΗΚΑ
 ΤΗΝ ΕΥΝΟ Α ΠΑΡ ΟΡΜΗ ΜΟΥ. ΤΟ ΜΕΝ ΕΠΟΣ ΠΡΟ ΑΙΛΩ ΤΟ ΚΑΙ ΤΑΙΣ
 ΜΕΤΩ ΤΑ ΑΦ ΕΛΕΥ ΤΟ ΔΕ ΚΑΙ ΒΡΑΥΤΟ ΤΟΥΤ ΚΑΡ ΠΟΣΟΙΜ. ΕΙΣ ΤΑΙ
 ΠΡΟ ΒΡΑΥΤΟ ΤΟΥΤ ΠΡΟ ΑΥΤΩΡ ΔΕΝΟΣ. ΠΡΟΣ ΚΑΙ ΕΑΝ ΕΙΝ ΥΤΟΥ ΑΥΤΩΡ
 ΠΡΟΣ ΕΙΔΩ ΤΗ ΦΙΛΙΚΑ ΕΙΝ ΕΙΝ ΕΙΝ ΤΗΝ ΠΡΟ ΑΥΤΩΡ ΔΕΝΟΣ. ΚΑΙ
 ΤΩΝ ΠΟΣΟΣ ΑΥΤΩΡ ΔΕΝΟΣ ΕΙΝ ΕΙΝ ΕΙΝ ΤΟΥ ΠΑΡΟΣ ΦΟΥΤΕ
 ΜΗΤΑ ΑΥΤΩ ΕΚ ΤΟΣ ΕΠΟΣ ΑΥΤΩΡ ΔΕΝΟΣ ΕΙΝ ΕΙΝ ΕΙΝ ΤΟΥ ΠΑΡΟΣ ΦΟΥΤΕ
 ΟΗ ΑΥΤΗ ΤΟΣ ΚΑΙ ΔΕ ΒΡΑΥΤΟ ΤΟΥΤ ΠΡΟΣ ΚΑΙ ΕΑΝ ΕΙΝ ΥΤΟΥ ΑΥΤΩΡ
 ΤΟΥ ΕΞ ΑΜΟΛΙΚ. ΚΑΙ ΚΑΤΕΒΝΟΣ ΑΝ ΓΡΑΦΕ ΜΟΥ. ΕΙΝ ΕΙΝ ΕΙΝ ΕΙΝ ΤΟΥ ΠΑΡΟΣ ΦΟΥΤΕ
 ΜΗΤΑ ΑΥΤΩ ΕΚ ΤΟΣ ΕΠΟΣ ΑΥΤΩΡ ΔΕΝΟΣ ΕΙΝ ΕΙΝ ΕΙΝ ΤΟΥ ΠΑΡΟΣ ΦΟΥΤΕ
 ΕΙΝ ΕΙΝ ΕΙΝ ΕΙΝ ΤΟΥ ΠΑΡΟΣ ΦΟΥΤΕ ΕΙΝ ΕΙΝ ΕΙΝ ΤΟΥ ΠΑΡΟΣ ΦΟΥΤΕ
 ΕΙΝ ΕΙΝ ΕΙΝ ΕΙΝ ΤΟΥ ΠΑΡΟΣ ΦΟΥΤΕ ΕΙΝ ΕΙΝ ΕΙΝ ΤΟΥ ΠΑΡΟΣ ΦΟΥΤΕ

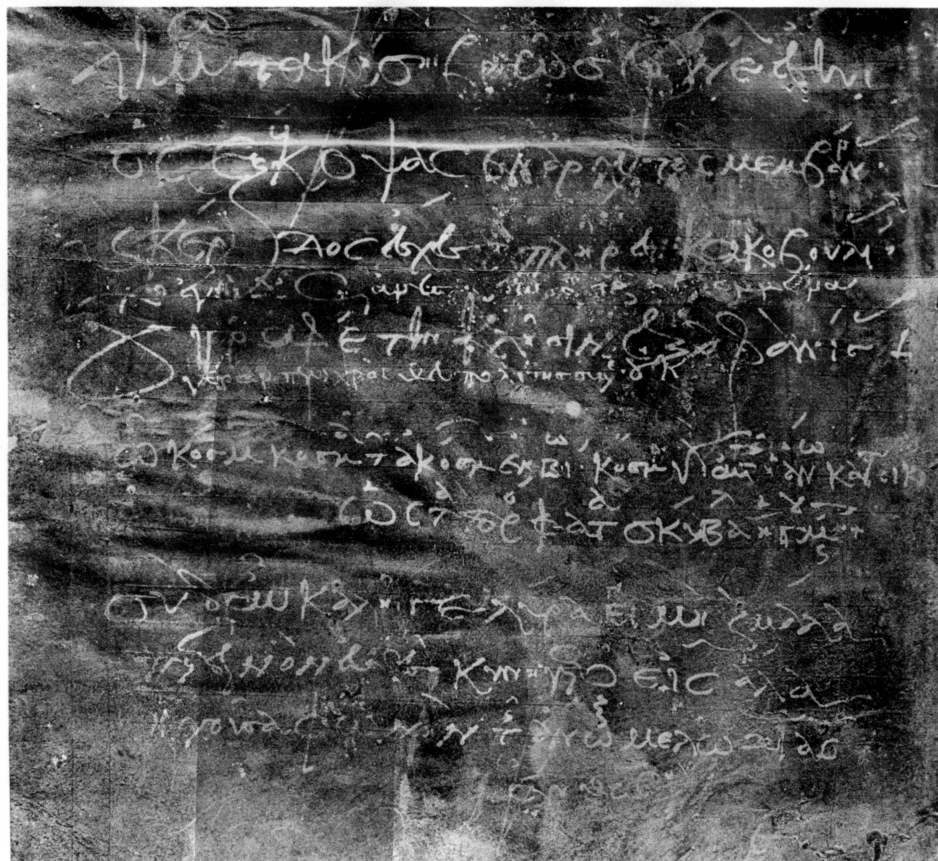
Рукопись Генесия. Сод. Lips. graec. 16,4. fol. 248a.

Рукопись Генесія. Сод. Lips. graec. 16,4. fol 285a.

Рукопись Генесія. Сод. Lips. граес. fol. 285в (верхняя часть).

Рукопись Генесія. Сод. Lips. гаес. fol. 285в (нижняя часть).